

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Р.Г. Апресян

Проблематика всеобщности в советской этике 1960–1970-х годов*

Апресян Рубен Грантович – доктор философских наук, профессор. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; профессор. Новгородский гос. университет им. Ярослава Мудрого. Российская Федерация, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41; e-mail: apressyan@iph.ras.ru

В статье рассматривается начальный и наиболее важный этап в освоении этической проблематики всеобщности в дискуссиях 1960-х – начала 1970-х годов, проанализированных выборочно на примере ряда авторов – А.Ф. Шишкина, Я.А. Мильнера-Иринина, С.А. Поздняковой, А.А. Гусейнова и О.Г. Дробницкого. Проблематика всеобщности выражалась ими в разных понятиях – от «простые нормы нравственности и справедливости» и «общечеловеческие элементы морали» до «всеобязательность» и «универсальность морального требования». За этой понятийной динамикой можно проследить смену философско-мировоззренческих ориентиров, способов осмысления морали, в конечном счете – парадигм философской и нормативной этики. Начиная с Канта, всеобщность в морали понималась, говоря в общих словах, как характеристика суждений, решений и оснований действий по их соответствию определенным стандартам, нормативным и/или коммуникативным. С этой точки зрения, всеобщность при строгом понимании не тождественна общераспространенности или общепринятости суждений, решений и оснований действий. Это значение понятия всеобщности не принималось во внимание сторонниками основанного на идеологических или нормативных постулатах «классового» подхода к пониманию явлений социальной и духовной жизни. Оно не всегда принималось во внимание сторонниками научного подхода, основанного на теоретическом осмыслении природы морали, исходя из той роли, которую она играет в жизни человека и общества. Наиболее развитое и концептуально-контекстуализированное рассмотрение проблема всеобщности получила в этике

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 18–18–00068 «Феномен универсальности в морали». Funding: The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 18–18–00068 «The Phenomenon of Moral Universality».

Дробницкого, который рассматривал всеобщность как одну из важнейших характеристик морального требования. Нормативным коррелятом так понимаемой универсальности является принцип равенства. Универсальность характеризует также и суждения, моральность которых удостоверяется посредством процедуры универсализации. Разные и не всегда взаимосвязанные аспекты универсальности Дробницкий объяснял, ссылаясь на «общеисторические закономерности». Присущий ему историцизм в обосновании морали и всеобщности в морали свидетельствует о незавершенности процесса смены парадигм, начавшегося в советской этике в 1960-е годы.

Ключевые слова: универсальность, универсализуемость, мораль, равенство, простые нормы нравственности, классовый подход, индивидуальная нравственная задача, историцизм

Понятие всеобщности (универсальности) – одно из ключевых в нововременном представлении о морали. Это сложное понятие. В его концептуально варьирующийся состав могут входить разные идеи – общераспространенности, общезначимости, общеобязательности, беспристрастности, универсализуемости, временной и персональной нейтральности. Некоторые из них атрибутируются ценностям и императивам, некоторые – суждениям и решениям. На уровне отдельных идей проблематика всеобщности затрагивалась в античной этике, теологических теориях морали, теориях естественного закона. Но в качестве самостоятельной она проявляется именно в философии Нового времени. Это было обусловлено поворотом внимания моральной философии к человеку как моральному агенту и переосмыслением таких вопросов, как моральная способность, моральное достоинство и ответственность индивида, моральная релевантность его суждений, решений и действий.

Проблема

Морально-философская концептуализация феномена всеобщности и выделение всеобщности в качестве одного из определяющих признаков морали принадлежит Иммануилу Канту. Принцип всеобщности Канта представлен первой формулой категорического императива. Собственно, в кантоведении она так и обозначается – принцип всеобщности (универсальности). Им задается важнейший критерий моральности суждения, решения или действия и указывается на способ проверки их оснований – через соотнесение с идеей всеобщего морального закона: могут ли они быть признаны в качестве универсального закона, то есть закона, действительного для всех разумных существ? Этот тест осуществляет сам моральный агент, и с помощью такой проверки он сам определяет для себя, насколько избранная им для данного случая максима (принцип конкретного действия) морально достойна¹. По другому поводу, анализируя суждения вообще (на примере суждений вкуса), Кант предлагает несколько иную процедуру проверки, в ходе которой основания суждения

¹ Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Кант И. Соч.: в 4 т., на нем. и русск. яз. Т. 3. М., 1997. С. 142, 145.

соотносятся с «всеобщим человеческим разумом», но в его конкретных воплощениях – в суждениях других людей. Посредством этой мыслительной процедуры моральный агент ставит «себя на место другого» и тем самым, абстрагируясь от чувственных впечатлений, выходит на «общее правило»². Обе проверочные процедуры носят рефлексивный характер, но в первом случае проверка референтна нравственному закону, представление о котором моральный агент открывает в своем разуме, уясняя логику практического закона³, а во втором – представлениям (предполагаемым или реальным) других людей.

Вторая версия универсализации суждений Канта интересна в перспективе к Георгу Вильгельму Фридриху Гегелю. Однако Гегель основывает универсализацию суждений не на мыслительных процедурах, а на практических отношениях людей. Необходимость взаимодействия с Другим ради своих собственных интересов понуждает индивида к преодолению своей партикулярности и достижению объединения с Другим, благодаря которому происходит универсализация его позиции⁴. По Гегелю, таким образом, не отношения между людьми выстраиваются в соответствии с принципом универсальности, а универсальность есть результат складывающихся отношений, в которых снимается партикулярность частных индивидуальных потребностей, устремлений, позиций. Если у Канта универсальность – это характеристика нормативных оснований суждений, решений и действий, то Гегель говорит о смысле последних в контексте человеческих и, шире, социальных отношений. Именно в их рамках осваиваемые универсальные значения приобретают нормативный характер и начинают в этом своем качестве направлять отношения людей⁵.

В дискуссиях об универсальности в моральной философии XX в. был воспринят и развит кантовский подход к универсальности, так или иначе понимаемой, но в любом случае ассоциируемой с самоопределением индивида в качестве морального агента, его суждениями, решениями и действиями. С середины 1950-х гг. в рамках аналитической этики складывается устойчивая традиция обсуждений проблематики универсальности⁶, которые продолжают по сей день. Можно сказать, они и определили доминирующий современный дискурс моральной универсальности.

Вместе с тем в послекантовской философии довольно скоро проблематика универсальности в морали подвергается критическому переосмыслению, главным образом в контексте полемики с кантовской этикой – как в целом, так и в отдельных ее частях. С середины XX в. критика концепта универсальности

² Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 5. М., 1994. С. 134.

³ Кант И. Критика практического разума // Кант И. Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. Т. 3. М., 1997. С. 321–325.

⁴ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 236–237.

⁵ Данное сопоставление Канта и Гегеля основывается на выделении в мыслительном ансамбле концепта универсальности идеи, связанной с противопоставлением универсального локальному, партикулярному.

⁶ Hare R.M. Universalisability // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955. Vol. 55. P. 295–312; Singer M. Generalization in Ethics // Mind. New Series. 1955. Vol. 64. No. 255. P. 361–375; Morality and Universality: Essays on Ethical Universalizability. Dordrecht, 1985.

в морали получила дополнительный импульс в попытках освоения трагического политического и нравственно-психологического опыта тоталитарных обществ. В восприятии ряда социальных теоретиков, морализирующие идеологи тоталитарных государств использовали риторику «универсальности» для оправдания репрессивности государственной власти и легитимизации проводившейся ею бесчеловечной социальной политики. Тоталитарная власть, узурпирующая право представлять общество, нацию, «прогрессивный класс», жестко подавляет все особенное, индивидуальное во имя «общего», «универсального»⁷. Вместе с тем, в социальной критике репрессивность «универсальности» усматривается и в стандартизации, которой подвергается индивид в массовом обществе. Критика универсальности стала одним из элементов критики нововременного понятия морали, а вместе с тем и нововременного проекта в целом.

Возобновление советской этики

В середине 1950-х гг. на волне относительной послесталинской либерализации советского режима, импульс которой придал XX съезд КПСС, состоявшийся в начале 1956 г., в СССР возникают условия для развития этики, наряду с другими социальными и гуманитарными науками. Постепенно, после почти тридцатилетнего перерыва, возобновляются дискуссии по этическим проблемам, начинают издаваться учебники и исследовательские труды по этике, этика включается в некоторые учебные программы высшего и среднего профессионального образования. Этические работы тех лет имели отчетливо идеологизированный характер. Марксистско-ленинская этика, основным предметом которой считались «принципы коммунистической морали», была призвана стать одним из инструментов обоснования нового социально-политического курса советского режима на преобразование общества под лозунгом построения основ так называемого коммунистического общества. Этот курс был закреплен в 1961 г. в новой Программе КПСС.

В ней, в частности, говорилось:

Простые нормы нравственности и справедливости⁸, которые при господстве эксплуататоров уродовались или бесстыдно попирались, коммунизм делает нерушимыми жизненными правилами как в отношениях между отдельными лицами, так и в отношениях между народами. Коммунистическая мораль включает основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий...⁹

Эти слова не только знаменовали новацию в официальной публичной риторике и ограничивали лозунг о нарастании классовой борьбы, доминировавший

⁷ Адорно Т. Негативная диалектика. М., 2003. С. 279–282; Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford; Cambridge, 1993.

⁸ Под «простыми» (иногда называемыми «общечеловеческими») имеются в виду нормы повседневного взаимодействия и общежития людей, не имеющие очевидного классово-определенного и мировоззренческого содержания.

⁹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1961. С. 119.

в предшествующие десятилетия, но и возвращали к словам Карла Маркса о «простых законах нравственности и справедливости»¹⁰, пусть и использованных в конкретной политической ситуации и ради определенных политических задач.

Слова о простых нормах нравственности напоминали о прерванной дискуссии 1920-х гг. о простых нормах нравственности и справедливости, которая, в свою очередь, восходила к внутривнутрипартийной полемике 1910-х гг., вызванной высказываниями Г.В. Плеханова и солидаризировавшейся с ним Л.И. Аксельрод о роли «простых законов нравственности и права» в классовой борьбе пролетариата и в отношениях между народами. Эта тематическая переключка перекинула мосты между хронологически довольно близкими, но, как казалось, уже бесконечно далекими друг от друга периодами в интеллектуальной истории страны и заложила площадку для продлившихся на десятилетие-полтора дискуссий о простых нормах нравственности, о «коммунистической нравственности» и о соотношении в морали общечеловеческого и классового.

Эти сюжеты имеют непосредственное отношение к нашей теме как в историческом, так и в теоретическом отношении. Заслуживает внимания, что Плеханов, поставивший вопрос о простых законах нравственности и справедливости, не только ссылаясь при этом на Карла Маркса, но и проводил прямую параллель между простыми законами нравственности и категорическим императивом Канта. Последнее и служило поводом для критики Плеханова со стороны Л. Мартова, а затем, в 1926 г., критики Аксельрод со стороны А.М. Деборина. В 1960-е гг. дискуссия возобновилась. И хотя она протекала уже не в такой идеологически заостренной форме, как в 1920-е гг., и идеологические разногласия корректно камуфлировались под теоретические расхождения, сохранявшиеся в той дискуссии противостояния, не только этические, но и, конечно, мировоззренческие, чувствуются и сегодня. Это было противостоянием между, условно говоря, ригористическими адептами безусловного приоритета классового подхода к морали (и в морали) и сторонниками гуманистической этики, развивавшейся на базе последовательно десталинизированного марксизма¹¹.

Классовый ригоризм

Тема простых норм нравственности получила развитие во многих учебных пособиях по этике, появившихся в начале 1960-х гг., первым из которых был объемный труд А.Ф. Шишкина, можно сказать, пионера новой советской этики. Приступая к обсуждению вопроса о простых нормах нравственности, Шишкин напоминает, с одной стороны, о позиции Маркса и его убежденности

¹⁰ Маркс К. Учредительный манифест международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. М., 1960. С. 11.

¹¹ Развернутый обзор основных противостояний в этой дискуссии см. Штейн В.С. Проблема простых норм нравственности и справедливости в марксистско-ленинской этике // Актуальные проблемы марксистско-ленинской этики. Тбилиси, 1967. С. 124–184.

в «невозможности абстрактного, внеисторического подхода к нравственности»¹², а с другой – о позиции Плеханова, который ссылками на простые законы нравственности пытался... «оправдать свою меньшевистскую оборонческую позицию в первой мировой войне»¹³. Затем с опорой на Ленина и Горького говорится о важности простых норм нравственности, при этом специальное внимание уделяется тому, что простые нормы нравственности вырабатываются народными массами, которые и являются их настоящими хранителями. Отдельно отмечается, что, в отличие от категорического императива Канта, эти нормы конкретно-историчны и вписаны в более широкий контекст классовой морали, чем и определяется их действительная роль в жизни общества. Упоминание Шишкиным Канта в этом контексте отсылает не только к Плеханову с его оборончеством, но и к обсуждению учения Канта о категорическом императиве как всеобщем нравственном законе. Шишкину важно было показать, что кантовский всеобщий закон бессодержателен и не способен указать человеку на действительные цели его деятельности; а приводимые Кантом примеры, призванные объяснить категорический императив, на деле демонстрируют оторванность последнего от жизни: любые слова о всеобщности нравственного закона не имеют смысла в условиях господства частной собственности, вырастающего из нее социального неравенства и повсеместной эксплуатации человека труда обладателями частной собственности¹⁴.

Как можно видеть, для Шишкина точкой отсчета и в вопросе всеобщности (в) морали, и в вопросе простых норм нравственности было положение о том, что в классовом обществе мораль, моральные воззрения носят классовый характер. Для сторонников марксизма это положение было самым собой разумеющимся и не нуждающимся в каких-либо доказательствах и разъяснениях, достаточно было воспроизведения тезисов марксистских классиков о классовой разделенности общества, классовой борьбе в эксплуататорском обществе и упований на социальное равенство в предполагаемом «коммунистическом обществе». Смысл моральных ценностей и принципов поверялся на их соответствие *наличным* условиям общества, или, иными словами, сущее, между тем как их действительная природа, исторический генезис, характер производства в обществе фактически не принимались во внимание. Для Шишкина, как и других представителей этого направления, именно классовость составляла сущностную основу нравственности, между тем как всеобщность относилась к несущественным характеристикам, поскольку всеобщие определения нравственности считались ими всегда включенными в конкретно-исторический контекст и именно в зависимости от него обретающими какой-либо смысл. Ассоциируя по умолчанию всеобщее с абстрактным, они не пытались увидеть всеобщее в конкретных проявлениях морали (ценностях, принципах,

¹² Шишкин А.Ф. Основы марксистской этики. М., 1961. С. 430.

¹³ Там же. По замечанию Штейна, «после критики Плеханова и Аксельрод, сам термин “простые нормы нравственности” приобрел одиозный характер и стал синонимом антимарксистского отрицания классового характера морали» (Штейн В.С. Указ. соч. С. 138).

¹⁴ Там же. С. 19–21. Эта позиция была воспроизведена Шишкиным в несколько смягченном виде и в более поздней работе: Шишкин А.В., Шварцман К.А. XX век и моральные ценности человечества. М., 1968. С. 224–233.

требованиях, оценках), а, всегда рассматривая историческое как «конкретное», не отдавали себе отчет в том, что все говорившееся ими в связи с моралью о классовой борьбе, социализме, коммунистическом будущем, как будто бы в духе историзма, представляло собой оторванные от действительной морали и общественной практики абстракции.

Романтический коммунизм

Иную точку зрения на простые нормы, общечеловеческие элементы нравственности, да и на саму нравственность проводили авторы сборника статей «Актуальные проблемы марксистской этики», который можно считать своеобразным манифестом этического шестидесятничества, с его принципиальным, хотя и не всегда открыто проговариваемым антисталинизмом, приверженностью гуманистическим принципам, верой в социализм с человеческим лицом и прекрасное коммунистическое будущее. Один из ведущих авторов сборника – Я.А. Мильнер-Иринин. Приверженец марксизма-ленинизма, пламенный проповедник коммунистического идеала, он проводил взгляд на природу нравственности, отличавшийся от принятых в марксизме идей. Не вдаваясь в комплекс этических идей Мильнера-Иринина (принципы истинной человечности, совесть, должное, идеал), из которых складывается его не до конца проясненное понятие нравственности, отметим наиболее примечательное в проекции к нашей теме. Нравственность, по мнению Мильнера-Иринина, возникает вместе с человеком и с самого начала «отмечена общечеловеческим характером». Такой ее характер сохраняется и после возникновения классов. Хотя нравственность «приобретает также и классовый характер»¹⁵, она всегда остается «достоянием трудящихся» – «естественных носителей и творцов общечеловеческой нравственности (иной нет), тогда как эксплуататорские классы, отрешившись от труда, порывают и с нравственностью»¹⁶. Будучи общечеловеческой по содержанию, нравственность в классовом обществе имеет «классовую оболочку», которая с победой коммунизма «исчезнет вовсе, будучи заменена общечеловеческой же оболочкой»¹⁷.

Определяя нравственность как общечеловеческий по своей сути феномен и ассоциируя нравственность лишь с одним классом – классом трудящихся, Мильнер-Иринин, на мой взгляд, в еще большей степени, чем ригористические сторонники классового подхода в этике, придавал ей классовый характер. Более того, если нравственность изначально обладает общечеловеческим характером и сохраняет его в классовом обществе, а эксплуататорские классы

---

¹⁵ Мильнер-Иринин Я.А. Этика – наука о должном // Актуальные проблемы марксистской этики. С. 31. Данная статья представляет собой резюме книги Мильнера-Иринина «Этика, или Принципы истинной человечности», которая была издана в 1963 году ограниченным тиражом, с унизительной в данном случае пометкой «на правах рукописи», фактически лишь с целью проведения по ней дискуссии, заведомо разгромной. В дополненном виде книга была опубликована издательством «Наука» в 1999 г.

¹⁶ Там же. С. 31, 32.

¹⁷ Там же. С. 39.

по сути от нравственности оторваны, т. е. на них как не-трудящихся не распространяется общечеловеческая нравственность, то они – если строго следовать предложенной логике – оказываются лишенными и качества человечности. Справедливости ради надо сказать, что больше никто из авторов данного сборника не проводил столь радикальных нормативно-этических идей.

Схема мышления Мильнера-Иринина в общем схожа с той, что раскрывается за рассуждениями Шишкина. Разница лишь в том, что положения об общечеловеческой морали проецируются на коммунистический идеал, *на основе которого* интерпретируется природа морали. Предлагаемое под видом описания природы нравственности, по сути, представляет собой тот же идеал, только развернутый в прошлое. Роль моральных ценностей и императивов в реальных отношениях между людьми, культуре и социуме оставалась вне круга возвышенной мысли Мильнера-Иринина.

Этический реализм

На этом фоне представляет интерес выступление в тбилисском сборнике С.А. Поздняковой. Обсуждая соотношение общечеловеческого и классового во врачебной этике, автор исходит из реальных задач деятельности врача. В статье на основе разнообразного материала из истории медицины показывается, что во все времена предназначение врача виделось в облегчении страданий больных, избавлении их от недуга, заботе об их телесном благе. Позднякова подчеркивает, что, хотя исполнение профессиональных обязанностей врача социально-исторически обусловлено, что коммерциализация врачебной деятельности может вести к попранию принципов профессиональной этики, эти принципы существуют, более того, они развиваются и распространяются для компенсации случающихся профессиональных aberrаций в деятельности врачей, и по существу содержание врачебной этики носит именно общечеловеческий, а не классовый характер¹⁸.

Обобщая, можно было бы определить подход Поздняковой к вопросу о соотношении общечеловеческого и классового как «реалистический» в том смысле, что она исходила не из идеологически-теоретических догматов и не из романтических нормативно-этических чаяний, а из реальных задач профессиональной деятельности врача, трезво при этом осознавая особенности обнаружения сущего и должного в этом сегменте общественной практики.

Золотое правило. Смена ракурса

Постепенно логика теоретического погружения в предмет изучения – мораль – вела исследователей к смене парадигм этики. Их внимание перемещается от «принципов коммунистической морали» к «категориям этики», а от них – к изучению тех аспектов общественной практики, которые отражаются в этих

¹⁸ Позднякова С.А. Общечеловеческое и классовое во врачебной морали // Актуальные проблемы марксистско-ленинской этики. С. 228–445.

категориях, к пониманию природы морали, функций, которые она исполняет в жизни общества и человека, а также к тому, как они исполняются. Эти переходы легко прослеживаются по материалам проходивших тогда дискуссий.

Фундаментальной в этом контексте, хотя и периферийной по отношению к мейнстриму этических исследований того времени, стала разработка А.А. Гусейновым проблемы Золотого правила, которое рассматривалось им как важный этап в эволюции нормативного сознания и формировании логики нормативного мышления. С появлением Золотого правила, по мнению Гусейнова, можно говорить о становлении нравственности, понимаемой как пространство человеческих отношений. В этом смысле Золотое правило является основополагающим для нравственности. Оно играет важную коммуникативную роль, давая своеобразный нормативный механизм, посредством которого индивид соотносит свои поступки, точнее, их основания, с другими людьми, с предполагаемыми основаниями их поступков. Золотое правило задает «принципиальное единство со всеми другими», и является, таким образом, нормативным условием «совместности человеческого общежития»¹⁹, которое основано на признании равенства всех людей, одним из практических выражений которого является универсализация нравственных решений.

Проблема равенства оказалась существенной в дальнейшем обсуждении Гусейновым темы общечеловеческого содержания морали. Хотя обсуждение общечеловеческого проводилось им в сопоставлении с классовым, контекст рассмотрения общечеловеческого и классового был различным. Для прояснения смысла общечеловеческого Гусейнов обращается к истории этической мысли. Этот поворот в дискуссии знаменателен тем, что этические учения прошлого рассматриваются как источник для теоретического понимания морали, хотя и разбираются в соответствующем «конкретно-историческом» ключе. Обсуждение общечеловеческого тем самым переводится на теоретический уровень, и предпринимается попытка интерпретации общечеловеческого в связи с природой морали, а не социальными условиями или идеальными этическими представлениями. Такая перемена не происходит при обсуждении классового содержания морали, поскольку оно обсуждалось в перспективе положений Маркса о классовом сознании и классовой борьбе.

Общечеловеческое в морали, помимо того, что ему противопоставлено классовое, у Гусейнова многозначно. В каких-то контекстах оно прямо отождествлялось с тем, что другие авторы понимали под «простыми нормами нравственности», в других – с абстрактным содержанием, которое чаще всего непосредственно ассоциируется со всеобщим, а также безусловным (безусловной формой нравственного долженствования), которое есть вместе с тем всеобязательное долженствование. Хотя в целом рассмотрение общечеловеческого проводилось в скептическом духе, его историко-философская основа позволяла выделить некие позитивные определения.

Основным по значению было то, что моральное требование, обращенное к индивиду, адресовано к нему как к человеку вообще, и в этом смысле к человечеству в целом. Моральное требование таким образом предполагает

---

¹⁹ Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. М., 1974. С. 84.

равенство всех людей: «Безусловность долженствования как форма нравственного требования, предписывающая определенные нормы всем людям независимо от конкретных обстоятельств, в которых они находятся, означает одновременно признание равенства всех людей... Идея равенства является элементарной предпосылкой всякого нравственного требования»²⁰. Это то самое равенство, которое в простой форме задается Золотым правилом. Идея равенства, подчеркивал Гусейнов, «фактически исчерпывает всеобщее (общечеловеческое) содержание нравственности»²¹. В подтверждение этого он ссылаясь на Юма, Руссо, Канта, не говоря о тех нововременных мыслителях (Томази, Гоббсе, Локке), к которым он обращался при изучении Золотого правила.

Из проведенного рассмотрения Гусейнов делал два вывода. Первый заключался в том, что «безусловная и всеобязательная форма нравственного долженствования означает утверждение этической равноценности всех людей, равенства их моральных возможностей»²². Второй был сформулирован в виде вопроса, обращенного к мыслителям прошлого, как выражение недоумения по поводу полученных ими результатов, но он имел несомненный теоретический смысл: характеристика всеобщности должна быть изучена и осмыслена в ее генезисе, как проявление функционирования нравственных систем.

Таким образом, у Гусейнова произошла известная трансформация дискурса: от «простых норм нравственности», «общечеловеческого элемента нравственности» он вольно или невольно перешел к обсуждению в терминах всеобщности, всеобязательности, безусловности, равенства и тем самым вернул его в той части, где он не соотносился с рассмотрением классовости моральных воззрений, к традиционному для моральной философии и теоретически адекватному виду.

Проблемно-теоретический подход

Развернутое представление концепция всеобщности получила в трудах О.Г. Дробницкого. Нельзя не заметить, что его работы начала 1960-х гг. написаны в духе идейной борьбы. Накал идейного противостояния очевидно спадает в его работах к середине 1960-х гг. и практически сокращается до минимума в его зрелых работах. Очевидно, определяющую роль в этом сыграла серия встреч и дискуссий между советскими и британскими этиками в 1968–1970 гг., в которых Дробницкий принял активное участие. Последствия этих встреч можно проследить, сопоставляя тексты докторской диссертации Дробницкого, которую он защитил в 1969 г., и его фундаментального труда «Понятие морали» (1974), развитого на основе этой диссертации – как по качественному расширению круга референтной литературы, так и по более развитой аргументации. К сожалению, трагическая смерть оборвала творческий путь этого замечательного ученого, и книга «Понятие морали» стала последним трудом, подготовленным к печати им самим.

²⁰ Гусейнов А.А. Социальная природа нравственности. М., 1974. С. 135–136.

²¹ Там же. С. 136.

²² Там же. С. 139.

Тему всеобщности в морали Дробницкий воспринимает от Канта, по всей видимости, не без влияния со стороны Ричарда Хэара²³, но воспринимает, переосмысливая в духе своего понимания морали. Если у Канта, как впоследствии у Хэара и других представителей аналитической философии, универсальность – это характеристика таких когнитивных форм, как максимы, принципы, суждения, то Дробницкий на уровне постановки проблемы ассоциирует универсальность с моральными предписаниями, которые предъявляются моральному агенту и осознаются им как объективные универсальные предписания. Эти предписания Дробницкий представлял себе существующими вне морального агента – в обществе, в общественных отношениях, как выражение общественных отношений (в ранних работах), как выражение «общеисторических законов», отражение перспективы глобального исторического развития (в поздних работах). Универсальность для Дробницкого – одна из ключевых характеристик морали, трактуемой как способ нормативного регулирования поведения людей, и его пространные историко-философские и философско-критические рецепции, связанные с проблемой универсальности (несомненно, обогащавшие его понимание этого феномена), заданы именно таким пониманием морали.

На уровне общих вводных положений (определяющая роль социальных отношений в формировании идеальных представлений, существование различных агентов социально-исторической активности в лице общественных классов, оптимистичное восприятие направленности исторического процесса, в котором отражается подлинный смысл деятельности людей и т. д.) теория морали строилась Дробницким на основе исторического материализма. Хотя в «Понятии морали» встречается достаточно замечаний, порой пространных, которые трудно воспринимать иначе как всего лишь знаки «игры по правилам», в целом историко-материалистические положения, действительно, играли в этике Дробницкого роль базовой объяснительной схемы. Однако при том уровне задач, которые Дробницкий ставил перед собой в анализе морали, теоретический ресурс исторического материализма с присущим ему невниманием к конкретной личности, индивидуальной автономии, особым практикам в социальном взаимодействии был недостаточен. Концепция морали как способа нормативной регуляции была по сути глубоко антитетичной историко-материалистическому понятию морали как формы общественного сознания – идеологической надстройки над экономическим базисом общества.

Согласно Дробницкому, суть нормативной регуляции состоит в том, что «действие общественных закономерностей переходит в действия индивидуальных агентов», и таким образом «социальное целое воспроизводит себя через индивидуально-массовое поведение»²⁴. Мораль представляет собой частный случай этого процесса. Из этого, а также из признания того, что посредством моральной регуляции до индивидов доводятся «законы общества», следует, что регуляция осуществляется обществом, и в ходе нее обеспечивается подчинение частных интересов общему интересу.

²³ См.: Дробницкий О.Г. Нравственное сознание // Философская энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 100–102.

²⁴ Дробницкий О.Г. Понятие морали: Историко-критический очерк // Дробницкий О.Г. Моральная философия: Избранные труды. М., 2002. С. 216.

На фоне этих характеристик нормативной регуляции поведения Дробницкий, проводя подробное сопоставление морали с другими способами нормативной регуляции, в первую очередь, такими, как обычай и право, выделяет следующие специфические черты моральной регуляции. Вкратце они заключаются в следующем. 1. Требования морали носят объективированно-безличный, внесубъектный характер. 2. Моральная регуляция предполагает способность индивида *сознательно* относиться к своим действиям и отвечать за свои действия перед собой и другими. Личность самостоятельно определяется по отношению как к требованию, так и по отношению к своим внутренним побуждениям, однако, обращая его к себе самой, она оказывается объектом требования. В этом плане субъект и объект морального требования едины. 3. Применяемые в морали санкции, с помощью которых обеспечивается действительность требований, имеют *идеальный* характер. 4. Оценка, через которую обнаруживает себя моральная санкция, соотносит оцениваемый поступок не только с «действительным», но и с должным, идеальным «положением вещей», в проекции к которому подвергается критике наличное состояние нравов и характеров. 5. В требованиях морали отражен разлад между идеальным и реальным, между *должным и сущим*, и они направлены на разрешение этого противоречия. 6. Моральная регуляция не только упорядочивает интересы людей, соотнося их с общественными принципами, но и формирует независимость личности по отношению к «внешне-эмпирическим и групповым воздействиям», ее «незаинтересованность» в практических, «утилитарных» результатах решений и действий, иными словами, ее *автономию*.

Перечень этих характеристик Дробницкий предваряет указанием на то, что требования морали носят *универсальный* характер, и это значит, что они адресованы каждому и в равной мере, они обязательны для всех. Со своей стороны, моральный агент, принимая решения, совершая поступки и высказывая суждения, действует в этом же духе, а именно *универсализуемым* образом, и это значит, что моральный агент предполагает, что так же на его месте действовал бы любой разумный и ответственный человек²⁵.

Как было выше отмечено, приняв кантовскую идею всеобщности в морали, Дробницкий адаптирует ее для характеристики надличностного морального требования. При этом он сохраняет и кантовское понимание универсальности как показателя индивидуальной моральной позиции, индивидуальных моральных решений и выбора их оснований. Наряду с этим, проблематика универсальности осмысливается и концептуализируется им в контексте гегелевско-марксовской диалектики общего и особенного (под которым он иногда понимает и единичное). В гегелевски-«строгой» триадической форме схема *общее – особенное – единичное* использовалась Дробницким при анализе структуры морального сознания, категории которого отражают «общеобязательные формы выражения морального требования», «требования морали, обращенные к социальной действительности» и «личностные (субъективные) формы выражения моральных требований»²⁶.

²⁵ Дробницкий О.Г. Моральное сознание и его структура // Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности. М., 1977. С. 43–44.

²⁶ Там же. С. 45–70.

Но эта схема, хорошо проработанная в целях представления структуры морального сознания, не была использована при анализе моральной универсальности в «Понятии морали». В этой книге «проблема всеобщности моральных требований» (так называется параграф, с которого начинается специальное обсуждение этой темы) берется прежде всего в аспекте соотношения в нравственности особенного и всеобщего, которое обнаруживается в том, что моральное требование, выходящее за рамки традиции, обычая, внутригрупповых норм, принимается и реализуется моральным агентом в качестве личной моральной задачи. Это отчетливо проявляется в критических обстоятельствах, требующих от морального агента исключительных, героических действий. Но вместе с тем такова общая диспозиция в морали: «всякая вообще моральная обязанность применительно к определенному субъекту действия выступает как в каком-то смысле индивидуальная, своеобразная, отличная от общего правила»²⁷. Отличие от общего правила следует понимать в данном случае не в нонконформистском или девиантном смысле, а как один из моментов мотивации: моральный агент действует, думая прежде всего не о соответствии общепринятому правилу, а об исполнении того, что повелевает его долг.

Вообще, утверждение о всеобщности морального требования может казаться тривиальным, если иметь в виду, что любое правило (норма), идет ли речь о социальных, грамматических, технических и тому подобных правилах, является универсальным в том смысле, что оно утверждает общий стандарт, согласно которому следует действовать в отдельных частных случаях, когда, говоря словами Гегеля, особенное приводится в соответствие с всеобщим²⁸. Однако Дробницкий, обсуждая всеобщность морального требования, имеет в виду не то, что оно представляет собой определенный «стандарт» (хотя оно, конечно, включает в себя и определенный «стандарт»), а то, что оно неким образом задает отвлеченные от частных качеств ситуаций основания принятия решения, которые таким образом предстают как универсальные.

Серьезный методологический вопрос, который в связи с этим возникает, заключается в следующем: каким образом моральное требование предъясняется в качестве универсального и как его универсальность удостоверяется? В общем, хотя моральные требования довольно редко даны в *лексически эксплицированной* универсальной форме, их универсальность обеспечивается посредством различных дискурсивно-риторических и социокультурных средств (главным образом контекстами и подтекстами их обычной рецитации). Указывая на универсальный характер морального требования, Дробницкий отмечает: «Таким образом оно *воспринимается сознанием морального субъекта*», и уточняет, что данное видение универсальности закрепилось в моральной философии благодаря Канту²⁹. Вспомним, однако, что Кант говорил не о моральном требовании, а о максиме, которая проверяется на соответствие всеобщему моральному закону и в случае прохождения проверки считается универсализованной. Максима – субъективная форма морального мышления.

²⁷ Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 273.

²⁸ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 117.

²⁹ Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 273 (курив мой. – Р.А.).

Приписывая моральному требованию такой статус универсальности, Дробницкий, сам того не желая, ставит под сомнение объективность данного свойства. Однако возможности подобного вывода он, скорее всего, не придавал большого значения, поскольку обосновывал универсальность морального требования посредством указания на объективный источник требования, чем снимаются какие-либо подозрения в субъективности последнего (этот вопрос будет рассмотрен в следующем параграфе данной статьи).

Хотя при описании морали как способа нормативной регуляции Дробницкий выдвигал на первый план общеадресованность морального требования, при сопоставлении морали и обычая в перспективе к универсальности, он обращает внимание главным образом на пространственно-темпоральную нейтральность, или, как предпочитает говорить Дробницкий, надлокальность морального требования. В регуляции, осуществляемой посредством норм обычая, тоже есть своего рода всеобщность, но это всеобщность не требования и не суждения; это «всеобщность» как общепризнанность³⁰. Всеобщее в обычае это то, что требуется от каждого как члена данной общности – просто сообразовываться со стихийно сложившейся практикой поведения, признаваемой истинной «в силу простого факта ее существования и давности»³¹. Всеобщее в морали проявляется в независимости от общепринятого, традиционного, налично-ситуативного. Моральная точка зрения дает возможность сравнивать обычаи разных народов или установления разных сословий, корпораций, закрытых сообществ, не занимая какую-либо одну сторону. Чтобы абстрагироваться от локальных особенностей, надо принять «возвышенную» позицию, которая обеспечивается особой – «общечеловеческой», «божественной», «всемирной» – точкой зрения, знаменующей освобождение ее обладателя от партикулярных привязанностей. Надлокальность отражает «историческую перспективу», и «социальная всеобщность» при таком взгляде представляет именно исторически-перспективное видение, а не социально-особенное.

У Дробницкого с универсальностью морального требования связана другая важная его характеристика: в силу того, что моральное требование является одинаково обязательным для всех, люди в качестве моральных агентов считаются равными по отношению к моральному требованию. В понимании отношения между универсальностью и равенством в «Понятии морали» сохраняется недосказанность: по разным поводам говорится, что равенство людей вытекает из универсальности, что оно само как принцип обладает универсальностью, что принцип универсальности является более строгим выражением принципа морального равенства. Разночтения такого рода можно, на мой взгляд, снять в обобщенном представлении равенства моральных агентов как одного из нормативных коррелятов универсальности морального требования.

³⁰ Общепризнанность еще не значит общепринятости, чего и может добиваться обычай, точнее, сообщество (в коллективном лице или в лице отдельных своих членов) посредством требований обычая.

³¹ Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 85.

Равенство перед моральным требованием означает, по Дробницкому, что моральные агенты, во-первых, обладают равными обязанностями в отношении требования и одинаково ответственны за его исполнение, во-вторых, поскольку равенство в обязанности и ответственности предполагает равенство условий и возможностей людей, постольку моральные агенты равны в своих правах, в-третьих, как следствие, их поступки должны оцениваться по одинаковым критериям (это вытекает, в частности, из того, что одним из таких критериев является само требование). Частный случай основанного на обоюдности равенства Дробницкий усматривает в Золотом правиле. Согласно Золотому правилу, выбирая действие, моральный агент должен быть уверен, что он хотел бы, чтобы другие поступали так же. Иными словами, его поступок должен быть таким поступком, который бы он признал в качестве достойного и справедливого, будь он совершен другими, и принял бы сам, будь он совершен по отношению к нему; причем так, как если бы это был единственно возможный поступок, имеющий универсальную необходимость. Дробницкий уточняет, что таким образом проявляется «равноправное положение каждого субъекта действия в самой структуре этих отношений»³². Смысл морали в том, что моральный агент принимает решение, высказывает суждение, совершает поступок, как если бы не было никаких различий между ним и его моральными контрагентами. К этому следует добавить: за исключением тех, которые необходимо принимать во внимание для достойного исполнения своих моральных обязанностей.

Отсылая к Золотому правилу, Дробницкий вместе с тем отмечает его ограниченность, обусловленную тем, что оно не обеспечивает преодоления национальной, этнической, классовой обособленности людей. Вряд ли такие претензии к Золотому правилу, как и любому моральному требованию, можно признать основательными, поскольку – как и сам Дробницкий неоднократно отмечает по разным поводам – моральное воззрение на мир как раз и компенсирует сохраняющуюся обособленность между людьми, между индивидом и сообществами, а моральные требования призваны регулировать поведение в условиях такой обособленности. Благодаря своему универсальному характеру они нивелируют обособленность между людьми, обусловленную объективными причинами – социальными, политическими, экономическими, психологическими, духовными. Благодаря этому мораль может играть социально-уравновешивающую, стабилизирующую роль в обществе – ограничивая «законы жизни, основанные на принуждении, подавлении, конкуренции, “дисциплине голода”»³³. Вместе с тем мораль открывает в самом человеке «некое “иное измерение” по сравнению с его социальным положением», пробуждает в нем «мысль о его “скрытом”, “внутреннем” достоинстве и праве». Это может стать одной из предпосылок протеста индивида против своего угнетенного положения.

---

³² Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 290.

³³ Там же. С. 287.

С универсальностью моральных требований связана и такая важная характеристика морали, как универсализация, или универсализуемость³⁴ моральных высказываний – «частных велений и оценок». В этой части рассуждений Дробницкого особенно чувствуются сбои в предметной фокусировке, выражающиеся в смешении объективного и субъективного аспектов проблемы – универсальности морального требования, или его общеадресованности (общеобязательности), с одной стороны, и универсализуемости моральных суждений, с другой. Очистить рассуждения Дробницкого от этого смешения не составляет труда, и далее предметом внимания будет именно субъективный аспект проблемы.

Принцип универсализуемости был сформулирован и подробно проанализирован Ричардом Хэаром³⁵. В свете хэаровских прояснений отчетливее видна проблематика универсализуемости у Канта. По сути дела, первая формула категорического императива и представляет принцип универсализуемости, с той разницей, что референтом универсализации в соответствии с этой формулой выступает не предполагаемый другой разумный человек, а всеобщий закон.

Дробницкий полагал, что формула универсальности категорического императива не дает возможности вывести какое-либо позитивное нормативное содержание. Более того, он считал, что логика рассуждений Канта открывает возможность для произвола, который обнаруживается в том, что моральное оправдание получает любое решение только благодаря признанию его универсализуемым самим моральным агентом³⁶. Этот аргумент нередко высказывается критиками кантовской этики, но он странен в устах Дробницкого, хорошо знавшего этические труды Канта и довольно чуткого к его рассуждениям. Возможность произвола, усматриваемая в первой формуле категорического императива, в полной мере купируется другими формулами – человечности, автономии и (вариантом последней) царства целей³⁷, которые лишь в совокупности задают действительное содержание категорического императива. Свою неудовлетворенность трактовкой кантовского принципа универсализуемости Дробницкий распространял на Хэара и Жана-Поля Сартра, которые, по его мнению, фактически оставляли на усмотрение индивида решение (возможно произвольное) о том, что является моральным, а что нет. Но инвективы такого рода в адрес этих мыслителей стали следствием его объективистского понимания морали. Восприняв хэаровский принцип универсализуемости,

³⁴ Дробницкий таким образом адаптирует к русскому языку введенный Хэаром термин «universalizability».

³⁵ См. *Hare R.M. Universalisability // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955. Vol. 55. P. 295–312; Hare R.M. Freedom and Reason. Oxford, 1963.*

³⁶ *Дробницкий О.Г. Этическая концепция Иммануила Канта // Дробницкий О.Г. Моральная философия. С. 445–446.* Дробницкий утверждает буквально следующее: обращенное «ко всем людям и к каждому человеку в отдельности» нравственное суждение, сколь бы лицемерной ни была его общеадресованность, благодаря самому по себе факту всеобращенности обладает «содержательным критерием его правомерности» (*Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 282*).

³⁷ См. *Paton H.J. The Categorical Imperative: A Study in Kant's Moral Philosophy. Chicago, 1948. P. 133–198; а также Wood A.W. Kant's Ethical Thought. Cambridge, 1999. P. 76–190.*

Дробницкий пересказывает его, как и кантовский категорический императив, в терминах объективного, надперсонального морального требования. Если у Канта, Хэара, Сартра принцип универсализуемости был средством самопроверки моральным агентом собственных нормативных установок и решений на соответствие идеальным моральным представлениям (разным у разных мыслителей), то у Дробницкого этот принцип представлял процедуру, позволяющую проверять релевантность индивидуальных решений, суждений и действий объективным моральным требованиям. Именно последние при условии их принятия моральным агентом рассматривались Дробницким в качестве гарантии моральности индивидуальных решений, суждений и действий.

При всем при этом Дробницкий хорошо понимал значение для морали и самого деятеля, и индивидуальной ответственности, и автономии личности. Он обсуждал эти вопросы по разным поводам, но наиболее специально – в соотнесении с проблематикой универсальности. Стоит обратить особое внимание, что эти вопросы затрагивались им в проекции не к универсализации индивидуальных решений, суждений и действий, а, наоборот, их индивидуализации. Дробницкий выделяет индивидуальное содержание морали в сопоставлении с общим, тем самым возвращаясь к исходному обращению к проблематике универсальности через оппозицию общего и особенного. Дробницкому непросто разобраться, каким образом происходит индивидуализация нормативного содержания морали. Исходя из того, что моральное требование является основополагающим элементом морали, он пытается разглядеть, как мораль, предъявляя всем единые требования, вместе с тем доводит эти общие по содержанию и общеадресованные по форме требования до индивидуальной нравственной задачи. Но в какой-то момент он как будто бы сменяет перспективу обсуждения проблемы и, переходя с позиции морали вообще на позицию морального агента, высказывает важное и выходящее за пределы его объективистского взгляда на мораль положение: «Человек в рамках общепризнанной... морали должен постоянно выбирать свои поступки и тем самым – “выбирать себя”, свой нравственный облик, уровень и достоинство»³⁸.

Очевидно, что по логике развиваемого Дробницким понятия морали точнее было бы говорить не об «общепризнанной морали», а об общеобязательных моральных требованиях. Общепризнанность – характеристика не морали, а обычая. Именно по отношению к общепризнанным нормам, а таковыми являются нормы обычая, а не морали, в современном обществе признается допустимость индивидуально-вариативного по формам выражения поведения. Вариативность действий не в меньшей степени предполагается и моралью, в рамках которой значительно более важным является их личная осмысленность и самоопределение морального агента в отношении духа моральных требований, при том, что внешнее соответствие им действий не считается особенно значимой. Говоря о том, что мораль ориентирует на индивидуальность, индивидуальное самовыражение, Дробницкий имеет в виду, что с развитием цивилизации все большую ценность приобретают нестандартные, особенные, выдающиеся индивидуальные качества человека. Некоторые из них со временем

---

³⁸ Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 299.

осмысляются как добродетели – индивидуальные качества, необходимые для достижения нравственного идеала. Характер устремленности к нравственному идеалу, способы и формы его достижения определяются самим моральным агентом в меру понимания им своего долга как внутренне переживаемой необходимости, принудительности исполнения требований или – при ином взгляде – осуществления своего предназначения, своего призвания.

Тем самым Дробницкий признает, что индивидуализация «единых, равнозначных требований» производится не моралью как некоей безличной силой, а самим индивидом применительно к обстоятельствам принятия решения, своим способностям, своему пониманию той моральной задачи, которую он перед собой видит. Но это значит, что определение им моральных требований как «единых» и «равнозначных» нуждается в коррекции, а «единое» и «равнозначное» нормативное содержание моральных требований – в прояснении. Из того, что говорит Дробницкий, не ясно, каким образом моральное требование обеспечивает индивидуализацию моральной задачи. Но стоит принять во внимание признание им роли личности в моральной практике, как приоткрывается завеса над процессом трансформации универсального в индивидуальное. В морали открывается область неповторимого и единичного: «Исполняя единые требования, всякий человек вместе с тем совершает нечто такое, что по самому своему существу не может быть общепринятой нормой»³⁹. И это неповторимое и единичное когерентно по своему внутреннему смыслу тому, что предполагается универсальным по форме и общезначимым по постулируемому содержанию моральным требованием.

Наконец, последнее, на что нужно указать в концепции универсальности в морали у Дробницкого, это на парадоксальное обнаружение им универсальности в классовых моральных воззрениях. Выше отмечалось, что Дробницкий в своей концепции морали абстрагируется от многих фундаментальных положений исторического материализма, включая так называемый принцип классового подхода, согласно которому все социальные, групповые и даже индивидуальные процессы и явления рассматриваются под углом зрения классовых различий и классовых антагонизмов. Но именно при рассмотрении универсальности в морали он обращается к теме классовых воззрений. Никак не соотносясь на словах с обсуждением простых норм нравственности, Дробницкий тем самым напрямую включается в него, предлагая совершенно иной ход: не простые нормы, или общечеловеческие элементы нравственности включаются в контекст классовых систем морали и наполняются классовым содержанием, а классовые моральные воззрения непременно предъявляются в качестве всеобщих – всем адресованных и общеобязательных.

Это положение выводится Дробницким из той же самой первой главы «Немецкой идеологии», на которую опирались сторонники ригористического классового подхода к морали. Согласно Марксу, «всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже для достижения своей цели вынужден представить свой интерес как общий интерес всех членов общества, т. е., выражаясь абстрактно, придать своим мыслям форму

---

³⁹ Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 296.

всеобщности, изобразить их как единственно разумные, общезначимые»⁴⁰. Дробницкий конкретизирует эту мысль в контексте морали: в классовых воззрениях особым образом проявляется надлокальный характер моральной точки зрения, а именно, она выражает «социально-всеобщие смыслы», поскольку класс, в отличие от сословия, клана или корпорации, заявляет свою позицию в качестве «закона жизни», предъявляемого всему обществу, распространяемого на человеческое общество в целом⁴¹.

Однако Дробницкому, как мне кажется, не удалось найти убедительных аргументов в пользу идеи универсальности классовых моральных воззрений, да и существования особой классовой точки зрения в морали. Он не приводит ни одного примера классово релевантного морального требования, и поэтому затруднительно понять, как он представлял себе ту особенность классовой морали, согласно которой класс – если принять предложенную теоретическую схему – предъявляет свою точку зрения в качестве всеобщей. Возводя в закон волю господствующего класса, его идеологи могут прибегать и прибегают к морализированию, то есть использованию моральной аргументации, морального языка для камуфлирования интересов господствующего класса, на деле всегда партикулярных. Но нет никаких оснований рассматривать это в качестве выражения моральных законов (требований). Показательно, что приведя данное выше высказывание Маркса о всеобщности как форме представления классового интереса, Дробницкий цитирует и фрагмент примечания Маркса на полях рукописи: «Всеобщность соответствует... классу *contra* сословие», – но опускает другие корреляты всеобщности, на которые обращает внимание Маркс, и среди них: «большая численность господствующего класса», «иллюзия общих интересов» (и «вначале эта иллюзия правдива»), а так же «самообман идеологов»⁴². Все это в большей или меньшей мере как раз соответствует морализирующему характеру любой классово предвзятой идеологии.

Другой вопрос, в какой мере вожди и идеологи господствующего класса в самом деле нуждаются в том, чтобы говорить не только для всего общества и всего человечества, но и *от имени* всего общества и всего человечества. Маркс, рассуждая о классах и классовом сознании, имел в виду опыт буржуазных революций, вдохновлявшихся в своем большинстве идеалами естественного права, рационализма и Просвещения. Символ тех революций – Декларация прав человека и гражданина, принятая на волне французской революции Национальным учредительным собранием в 1789 г. Символ коммунистических революций XX века – Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятая на Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в январе 1918 г. после разгона большевиками законно избранного Учредительного собрания.

В XX веке идеологи революционного класса, если и говорили от имени всего человечества, то имели в виду «прогрессивное человечество». Кого считать в качестве «прогрессивного человечества», представители «диктатуры

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М., 1955. С. 47.

⁴¹ Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 278.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. С. 47.

пролетариата» определяли, ориентируясь на свое «классовое чутье», то есть произвольно.

Итак, универсальность, по Дробницкому, одна из специфических характеристик морали, а мораль рассматривалась им как некая надперсональная сила – обще-социальная, перспективно-историческая, задающая общее, эмпирически не постижимое содержание. Эта сила регулирует отношения между людьми, ориентирует людей на высшие ценности, доводит общие моральные требования до личной моральной задачи конкретного индивида. Регуляция понимается не только и не столько как функция данного социума, но как «социально-исторический» процесс. Дробницкий принимал во внимание «социально-интерактивную», коммуникативную функцию морали, но в конечном счете трактовал мораль в духе кантовского трансцендентализма, трансформированного им в *историцизм*.

Это своеобразный этический историцизм, призванный объяснить и обосновать мораль через подведение ее во всех значимых проявлениях под некие «высшие закономерности», посредством которых человечество движется в «едином направлении» по пути «исторического прогресса»⁴³. В этих «высших закономерностях» моральная точка зрения находит себе опору и оправдание, а моральное требование отражает тот специфический общественный интерес, в котором воплощены «общеисторические законы» социального развития. Мораль не сводима к обеспечению функционирования ограниченной социальной системы, и задача теоретика морали состоит в том, чтобы показать, как посредством универсальных по форме суждений и требований в морали оказываются представленными «логика разума» и «общезначимые тенденции» исторического развития. Замкнутость на некие «общие законы истории» и обеспечивает моральным требованиям универсальность как надлокальность и деперсонализованность. Благодаря последнему моральные требования общеобязательны, поскольку в них не принимаются во внимание конкретно-социальные различия между индивидами, а моральные суждения и решения – беспристрастны и универсализуемы, поскольку в их основе лежат «нравственные законы человечества».

При историцистском подходе мораль предстает прежде всего перспективно-историческим, а не интересубъектным феноменом, из-за чего личностно-, коммуникативно- и коммунитарно-определенный смысл согласования интересов в морали оказывается упущенным. Сторонник этического историцизма как бы предполагает, что ограничение частных интересов осуществляется не ради их носителей, то есть самих индивидов, не ими самими в их практическом, жизненном взаимодействии, а некой надперсональной силой ради перспективных целей развития истории, ради абстрактного будущего общего блага. Более того, логика такого подхода должна вести к допущению существования тех, кто каким-то образом обладает экстраординарными полномочиями говорить и, стало быть, судить «от имени истории».

---

⁴³ Подобного типа разновидность историцизма Карл Поппер называл «моральным модернизмом», или «моральным футуризмом» (*Поппер К.* Ницета историцизма. М., 1993 С. 64).

Говоря о «нравственных законах человечества», «истинном законе» или «законе бытия общественного человека», Дробницкий не подвергает эти идеи исторической, социально-философской или нормативно-этической критике, их содержание не раскрывается, источник их императивности и ее действенности не объясняется. Кроме норм «Не убий» и «Не кради», упоминаемых мимоходом в нескольких местах книги, Дробницкий никаких примеров моральных регулятивов не приводит⁴⁴, и остается не ясным, какие «нравственные законы человечества» имеются в виду.

С раскрытием ценностно-нормативного содержания морали связана наибольшая трудность в понимании моральной философии Дробницкого. В стремлении к теоретической строгости и построению научной картины морали он вывел за скобки ее содержание, ограничив представление морали анализом процессов ее функционирования. Из-за того, что содержание морали задано Дробницким абстрактно, лишь посредством апелляции к общеисторическим закономерностям общественного развития, не разъясненным остается, в чем обнаруживают себя «общие закономерности», кто и по каким критериям оказывается их выразителем и тем более, кому в этом деле можно доверять более всего? На подобные вопросы фактически нет ответа при таком подходе к концептуализации морали, когда в качестве ее сущностной характеристики указывается лишь функциональный признак – нормативная регуляция поведения, а ее смысл в конечном счете замыкается на представление перспективных «исторических тенденций» развития общества, единственным обоснованием которого по сути дела оказывается чувство неудовлетворенности настоящим тех, кто провозглашает моральные идеалы. Регуляция – *одно* из проявлений морали. В процессе моральной регуляции человеку предъявляются ценностно наполненные идеи и образцы и тем самым он обязывается содействовать благо других и делать это наилучшим образом, ориентируясь на идеал совершенства: и это другое важное ее проявление. Без разъяснения ценностно-нормативного содержания морали, генезис представлений «о социальной всеобщности моральных требований, критериев и оценок»⁴⁵ как самого качества всеобщности приобретает сверхъестественные черты.

Следует, однако, иметь в виду, что для Дробницкого, как и для ряда других теоретиков советского времени, историцизм, пусть не проговариваемый и, скорее всего, не осознаваемый, был своеобразной, возможно, единственной в условиях господства философии исторического материализма, формой обоснования социально-политической *эмансипированности* морали и, более того, моральной автономии личности, пусть и в такой простой ее форме как независимость от непосредственного социального окружения. На этой теоретической основе можно было говорить об универсальности морального требования, о единстве его субъекта и объекта, идеальном характере санкции, автономии

---

⁴⁴ Правда, Дробницкий говорит о гуманных отношениях между людьми, выражающихся, например, в уважении, доброжелательности, гостеприимстве и т. п., и последние представляют собой разнообразные символические предьявления гуманности, составляющей в конечном счете их собственно нравственный смысл (Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 278).

⁴⁵ Там же. С. 65.

морального агента и т. д. Дробницкий реализовал эту возможность в своих исследованиях в полной мере.

Однако этот специфический аспект историцизма заслонял другой, а именно тот, что действие «общеисторических законов» прослеживалось Дробницким не только в самостоятельной деятельности личности, но и в социуме. Поскольку содержание моральных представлений иногда ставилось Дробницким в зависимость от потребностей существования и развития общества в целом, а их последовательное выражение – мыслилось в форме принципов жизни коллективных агентов («групп, классов, обществ, наконец, человечества») ⁴⁶, постольку универсальное содержание морали оказывалось увязанным с функционированием общественных институтов. При таком подходе моральные представления легко представить в качестве инструмента общественной и политической власти, средством социального дисциплинирования. И это именно то, что вызывало озабоченность у тех, упоминавшихся в начале статьи, социальных теоретиков, для которых любые претензии на универсальность следовало рассматривать как первый шаг к установлению доминирования и, стало быть, к социальному и экономическому неравенству, эксплуатации, политическому, духовному и физическому насилию. Это та перспектива в осмыслении универсальности, которая выявляется в концепции Дробницкого при внешнем критическом его прочтении, но которая им самим никак не предполагается. Для него же, универсальность моральных воззрений, суждений, решений, наоборот, была сопряжена с возможностью для личности освободиться от давления среды, противопоставить себя социальному окружению, власти социума.

Как можно видеть из предложенного выше анализа, концепция универсальности Дробницкого сложно устроена. На ее сложность накладывает и то, что ее разработка не была доведена автором до систематического завершения. На уровне текста эту незавершенность можно проследить в варьировании звучащих в термине «всеобщность» и ассоциированных с ним смыслов. За такой полисемией термина прослеживается стечение и пересечение в проблематике универсальности у Дробницкого разных мыслительных традиций. Но за ней можно также разглядеть расширительное и предметно несфокусированное истолкование универсальности. Универсальность порой «ускользает» как характеристика моральных форм в силу того, что она, как и абсолютность некоторых нравственных ценностей и требований, носит мыслимый, субъективный характер. В отличие от таких характеристик нравственного требования, как идеальный характер санкции или неинституциональность норм, онтологический статус универсальности не поддается эмпирической фиксации. Нравственные ценности и соответствующие им требования только считаются универсальными, признаются таковыми; универсальность приобретает действительность благодаря моральному агенту, который, высказывая суждения, принимая решения и совершая действия, соотносит их с общими по содержанию ценностями и коммуникативными партнерами (действительными и воображаемыми). Универсальность, таким образом, есть проявление особой модальности мышления, избираемой моральным деятелем и поддерживаемой

---

⁴⁶ Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 83.

им, порой сознательно и даже демонстративно. Такой вывод вытекает из предложенного Дробницким анализа универсальности.

Анализируя в терминах морали и универсальности традиционную для марксистской этики тему классового сознания, Дробницкий высказывает положение, очевидно не ординарное для советской философии рубежа и начала 1970-х гг.: мораль обладает способностью решать конфликтную проблему «в форме дискуссии, критики и доказательства, обращенных к сознанию людей, обоснования особых позиций посредством общезначимых свидетельств истории и “логики разума”», не прибегая к эмотивно-волевому воздействию, избегая принуждения или тем более прямого применения силы. Эта способность возможна благодаря универсальной форме суждений⁴⁷. Хотя представления о дискурсивности, коммуникативности морали (как бы терминологически они не выражались), не раз упоминаемые Дробницким, не становятся в его обсуждении принципиальными для осмысления природы морали и универсальности моральных феноменов, вывод о том, что благодаря моральным ценностям и установкам люди оказываются способными к ненасильственному и рационально-конструктивному взаимодействию исключительно важен как в этическом, так и политическом отношении.

Моральные суждения, решения и действия заявляются в качестве общезначимых и универсальных, будучи локальными по своей «материи», ситуативной обусловленности и примененности. Моральные суждения, решения и вытекающие из них действия универсальны не только потому, что прошли процедуру универсализации. Они универсальны и по форме их презентации моральным агентом своему окружению. Их универсализуемостью моральный агент демонстрирует свою беспристрастность, неэгоцентричность, честность, в смысле отсутствия претензий на «большую часть пирога», и, значит, справедливость. Так универсализуемость, рассматриваемая до сих пор в качестве формальной характеристики морального мышления, наполняется ценностным содержанием, которое, будучи представленным окружению, приобретает императивное значение и тем самым становится дополнительным фактором обеспечения устойчивости коммуникативных, коммунитарных и социальных связей.

* * *

Эта статья не случайно открывалась с постановки проблемы всеобщности Кантом. Советские дискуссии по проблематике всеобщности в морали 1960-х гг. начинались, как мы видели, при жестких установках участников дискуссий на размежевание с Кантом и всяким другим философским идеализмом с его «вечными истинами» и «всеобщим законом», но в своем продолжении они на самом деле оказались движением по направлению к Канту («назад к Канту», с формально-исторической точки зрения, но «вперед к Канту», с теоретической точки зрения). В идеологическом отношении это движение оказалось

---

⁴⁷ Дробницкий О.Г. Понятие морали. С. 282.

ревизионистским в лучшем при данном контексте смысле этого слова, и, конечно, требовало от решившихся двигаться по этому пути интеллектуальной трезвости и научной честности. В рассматриваемый период этот путь не был пройден до логического конца. Но в ходе этических дискуссий 1960-х – начала 1970-х гг. были созданы существенные теоретические предпосылки для кардинального переосмысления проблематики всеобщности и, шире, концепции морали.

Список литературы

- Адорно Т.* Негативная диалектика / Пер. Е.Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003. 374 с.
- Актуальные проблемы марксистской этики (сборник статей) / Вступ. ст. и общ. ред. Г.Д. Бандзеладзе. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. университета, 1967. 496 с.
- Апресян Р.Г.* Генезис золотого правила // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 39–49.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия права / Ред., сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 526 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики / Отв. ред. Е.П. Ситковский. М.: Мысль, 1974. 452 с.
- Гусейнов А.А.* Социальная природа нравственности. М.: Изд-во Московского университета, 1974. 158 с.
- Дробницкий О.Г.* Нравственное сознание // Философская энциклопедия / Под ред. Ф.В. Константинова. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 100–102.
- Дробницкий О.Г.* Моральное сознание и его структура // *Дробницкий О.Г.* Проблемы нравственности / Отв. ред. Т.А. Кузьмина. М.: Наука, 1977. С. 39–70.
- Дробницкий О.Г.* Этическая концепция Иммануила Канта // *Дробницкий О.Г.* Моральная философия: Избранные труды / Сост. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002. С. 429–478.
- Дробницкий О.Г.* Понятие морали: Историко-критический очерк // *Дробницкий О.Г.* Моральная философия: Избранные труды / Сост. Р.Г. Апресян. М.: Гардарики, 2002. С. 11–344.
- Кант И.* Критика практического разума // *Кант И.* Соч.: в 4 т., на нем. и рус. яз. / Подготовл. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 277–733.
- Кант И.* Критика способности суждения // *Кант И.* Соч.: в 8 т. Т. 5 / Под общ. ред. А.В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. 414 с.
- Кант И.* Основоположение к метафизике нравов // *Кант И.* Соч.: в 4 т., на нем. и русск. яз. / Подготовл. к изд. Н.В. Мотрошиловой, Б. Тушлингом. Т. 3. М.: Московский философский фонд, 1997. С. 39–276.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955. С. 15–78.
- Маркс К.* Учредительный манифест международного товарищества рабочих // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 16. М.: Госполитиздат, 1960. С. 3–11.
- Позднякова С.А.* Общечеловеческое и классовое во врачебной морали // Актуальные проблемы марксистско-ленинской этики / Общ. ред. Г.Д. Бандзеладзе. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. университета, 1967. С. 228–445.
- Поппер К.* Ницета историцизма. М.: Прогресс; VIA, 1993. 187 с.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1961. 144 с.
- Шишкин А.В., Шварцман К.А.* XX век и моральные ценности человечества. М.: Мысль, 1968. 272 с.
- Шишкин А.Ф.* Основы марксистской этики. М.: Изд-во ИМО, 1961. 528 с.

Штейн В.С. Проблема простых норм нравственности и справедливости в марксистско-ленинской этике // Актуальные проблемы марксистско-ленинской этики / Вступ. ст. и общ. ред. Г.Д. Бандзеладзе. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. университета, 1967. С. 124–184.

Bauman Z. Postmodern Ethics. Oxford, UK; Cambridge, USA: Blackwell, 1993. 255 p.

Hare R.M. Freedom and Reason. Oxford: Clarendon Press, 1963. 228 p.

Hare R.M. Universalisability // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955. Vol. 55. P. 295–312.

Morality and Universality: Essays on Ethical Universalizability / Eds. N.T. Potter, M. Timmons. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985. 312 p.

Paton H.J. The Categorical Imperative: A Study in Kant's Moral Philosophy. Chicago: The University of Chicago Press, 1948. 283 p.

Singer M. Generalization in Ethics // Mind. New Series. 1955. Vol. 64. No. 255. P. 361–375.

Wood A.W. Kant's Ethical Thought. Cambridge: Cambridge UP, 1999. P. 76–190.

An Issue of Universality in the Soviet Ethics of the 1960s to the 1970s

Ruben G. Апресян

RAS Institute of Philosophy. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (NovSU). 41 Bolshaya St. Peterburgskaya Str., Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation; e-mail: apressyan@iph.ras.ru.

The article deals with the starting and most important stage in discussions of an issue of moral universality in the Soviet philosophy of the 1960s to the early 1970s, studied on a selective number of authors – A.F. Shishkin, Ya.A. Milner-Irinin, S.A. Pozdnyakova, A.A. Guseynov, and O.G. Drobnitskiĭ. The problem of universality was expressed by them in different notions – from “simple norms of morality and justice” and “all-human elements of morality” to “common normativity” and “universality of moral requirement”. Beyond this conceptual dynamics is a shift in philosophical orientations and outlook attitudes, the ways of understanding morality and ultimately the paradigms of philosophical and normative ethics. Beginning with Kant, universality in morality was understood, generally speaking, as a characteristic of judgments, decisions, and reasons of actions in regard to their correspondence to certain normative and/or communicative standards. From this point of view, universality strictly speaking is not identical to ubiquitousness or common acceptance of judgments, decisions, and reasons of action. This meaning of universality was not been taken into account by proponents of “class” approach to understanding of social and spiritual phenomena, the approach based on ideological or normative dogmas. It was not always taken into account by proponents of a scholarly approach either in their study of morality based on a theoretical understanding of the nature of morality and its role in human and social life. The most advanced and conceptually contextualized consideration of the issue of universality was given by Drobnitskiĭ, who regarded universality as one of the most important characteristics of moral requirement. The principle of equality is a normative correlate of so understood universality. Universality also characterizes moral judgments, whose moral adequacy is verified through the procedure of universalization. Drobnitskiĭ tried to explain these different and not always interconnected aspects of universality by appealing to certain ‘general laws of history’. and thus offered a historicist basis of morality. His inherent historicism in the justification of morality testifies to the incompleteness of the process of paradigm change in ethics that started in the 1960s.

Keywords: universality, universalizability, morality, equality, basic rules of morality, class approach, individual moral task, historicism

References

- Adorno, T. *Negativnaya dialektika* [Negative Dialectics]. Moscow: Nauchyj Mir Publ., 2003. 374 pp. (In Russian)
- Aktual'nye problemy marksistskoj jetiki*, ed. by G.D. Bandzeladze. Tbilisi: Tbilisi State UP, 1967. 496 pp. (In Russian)
- Apresyan, R.G. "Genezis zolotogo pravila" [The Golden Rule Genesis], *Voprosy Filosofii*, 2013, No. 10, pp. 39–49. (In Russian)
- Bauman, Z. *Postmodern Ethics*. Oxford, UK; Cambridge, USA: Blackwell, 1993. 255 pp.
- Drobnitskii, O.G. "Eticheskaja koncepcija Immanuila Kanta", in: O.G. Drobnitskii. *Moral'naja filosofija: Izbrannye trudy* [Moral Philosophy. Selected Works], ed. by R.G. Apresyan. Moscow: Gardariki Publ., 2002, pp. 429–478. (In Russian)
- Drobnitskii, O.G. "Nravstvennoe soznanie" [Moral Consciousness], in: *Filosofskaja enciklopedija* [Philosophical Encyclopedia]. Moscow: Soviet enciklopedija Publ., 1967, Vol. 4, pp. 100–102. (In Russian)
- Drobnitskii, O.G. "Moral'noe soznanie i ego struktura", in: O.G. Drobnitskii. *The problems of morality*. Moscow: Nauka Publ., 1977, pp. 39–70. (In Russian)
- Drobnitskii, O.G. "Ponjatie morali: Istoriko-kriticheskij ocherk", in: O.G. Drobnitskii. *Moral'naja filosofija: Izbrannye trudy* [Moral Philosophy. Selected Works], ed. by R.G. Apresyan. Moscow: Gardariki Publ., 2002, pp. 11–344. (In Russian)
- Guseynov, A.A. *Social'naja priroda npravstvennosti* [The social nature of morality]. Moscow: Moscow Lomonosov State UP, 1974. 158 pp. (In Russian)
- Hare, R.M. *Freedom and Reason*. Oxford: Clarendon Press, 1963. 228 pp.
- Hare, R.M. "Universalisability", *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1955, Vol. 55, pp. 295–312.
- Hegel, G.W.F. *Enciklopedija filosofskih nauk*. Vol. 1. *Nauka logiki* [Encyclopedia of the Philosophical Sciences]. Moscow: Mysl' Publ., 1974. 452 pp. (In Russian)
- Hegel, G.W.F. *Filosofia prava* [Elements of the Philosophy of Right]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 524 pp. (In Russian)
- Kant, I. "Kritika prakticheskogo razuma" [Critique of Practical Reason], in: I. Kant. *Sochinenija v 4 t. na niem. i russk.* [Works in 4 vols. in German and Russian], Vol. III, prepared by N. Motroschilova, B. Tuschling. Moscow: Moscow Filosofskij Fond Publ., 1997, pp. 277–733. (In Russian)
- Kant, I. "Kritika sposobnosti suzhenija" [Critique of Judgment], in: I. Kant. *Sochinenija v 8 t.* [Works in 8 vols.], Vol. 5, ed. by A.V. Gulyga. Moscow: Tchoro Publ., 1994. 414 pp. (In Russian)
- Kant, I. "Osnovopolozheniya k metafizike npravov" [Groundwork of the Metaphysics of Morals], in: I. Kant. *Sochinenija v 4 t. na niem. i russk.* [Works in 4 vols. In German and Russian], Vol. III, prepared by N. Motroschilova, B. Tuschling. Moscow: Moscow Filosofskij Fond Publ., 1997, pp. 39–276. (In Russian)
- Marx, K., Engels, F. "Nemeckaja ideologija" [German Ideology], in: K. Marx, F. Engels. *Sochinenija* [Works], Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1955, pp. 15–78. (In Russian)
- Marx, K. "Uchreditel'nyj manifest mezhdunarodnogo tovarishhestva rabochih" [International Workingmen's Association Manifesto], in: K. Marx, F. Engels. *Sochinenija* [Works], Vol. 16. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1960, pp. 3–11. (In Russian)
- Morality and Universality: Essays on Ethical Universalizability*, eds. N.T. Potter, M. Timmons, Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1985, 312 pp.
- Paton, H.J. *The Categorical Imperative: A Study in Kant's Moral Philosophy*. Chicago: The University of Chicago Press, 1948. 283 pp.

Pozdniakova, S.A. “Obshhechelovecheskoe i klassovoe vo vrachebnoj morali” [All-human and class in medical ethics], in: *Aktual'nye problemy marksistskoj jetiki*, ed. by G.D. Bandzeladze. Tbilisi: Tbilisi State UP, 1967, pp. 228–445. (In Russian)

Popper, K. *Nicsheta istoricizma* [The Poverty of Historicism]. Moscow: Progress; VIA Publ., 1993. 187 pp. (In Russian)

Programma Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Sojuza [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow: Gospolitizdat Publ., 1961. 144 pp. (In Russian)

Schein, V.S. “Problema prostyh norm npravstvennosti i spravedlivosti v marksistsko-leninskoj etike” [An issue of common rules of morality and justice in Marxist-Leninist ethics], in: *Aktual'nye problemy marksistskoj jetiki*, ed. by G.D. Bandzeladze. Tbilisi: Tbilisi State UP, 1967, pp. 124–184. (In Russian)

Shishkin, A.F. *Osnovy marksistskoj jetiki* [Foundations of Marxist ethics]. Moscow: IMO Publ., 1961. 528 pp. (In Russian)

Shishkin, A.F., Schwarzman, K.A. *20-j vek i moral'nye cennosti chelovechestva* [The 20th century and the moral values of humanity]. Moscow: Mysl' Publ., 1968. 272 pp. (In Russian)

Singer, M. “Generalization in Ethics”, *Mind. New Series*, 1955, Vol. 64, No. 255, pp. 361–375.

Wood, A.W. *Kant's Ethical Thought*. Cambridge: Cambridge UP, 1999, pp. 76–190.